

Институт лингвистических исследований РАН

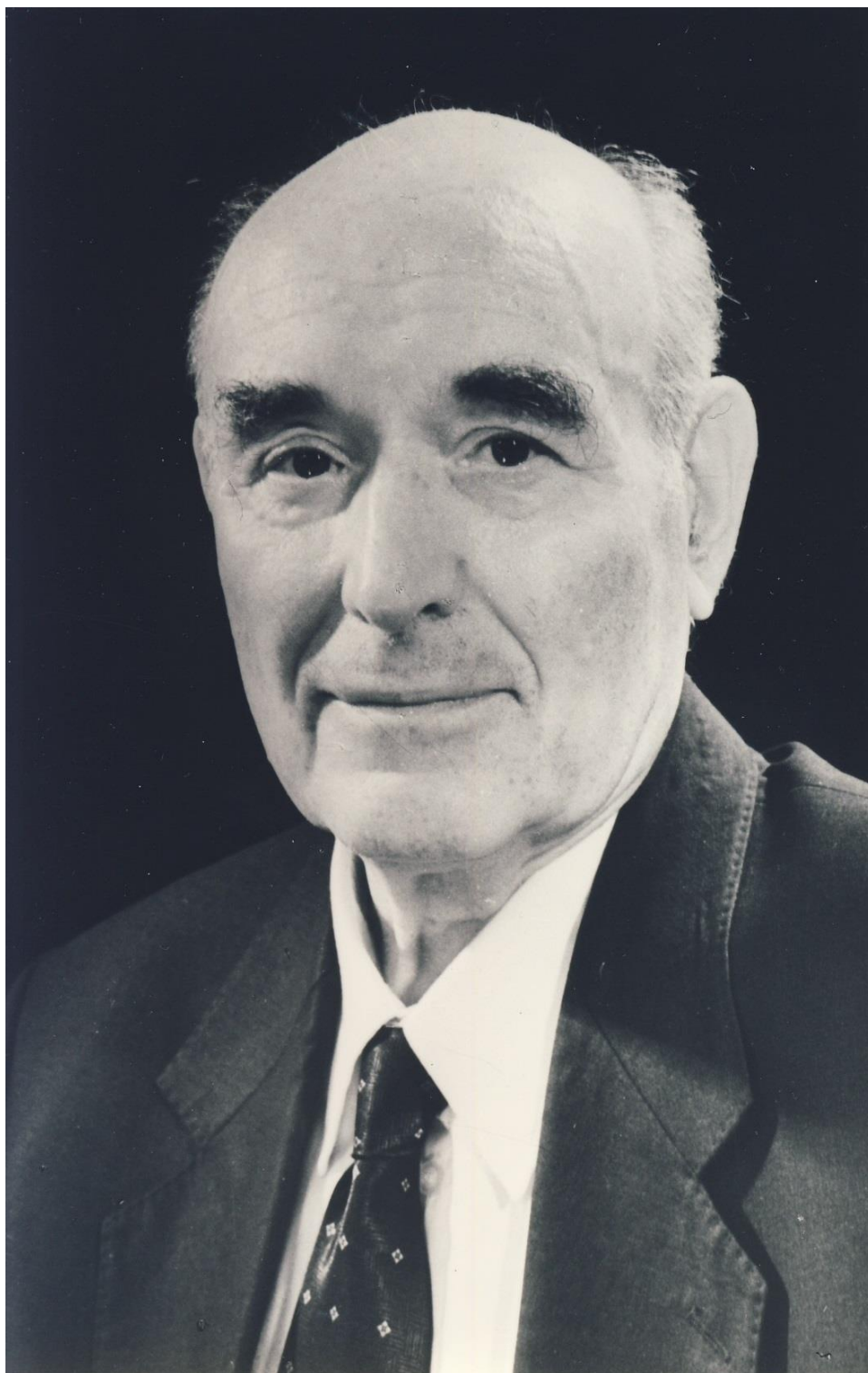
**Международная конференция
«Актуальные проблемы функциональной грамматики»,
посвященная 90-летию со дня рождения А. В. Бондарко**

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
16–18 ноября 2020 г.

Редакционная коллегия

М. Д. Воейкова (председатель), М. Я. Дымарский, В. В. Казаковская,
С. В. Краснощекова, И. В. Недялков, М. А. Овсянникова, Д. Н. Сатюкова,
Е. Г. Сосновцева, А. Ю. Урманчиева, С. Н. Цейтлин

**Александр Владимирович Бондарко
(15.11.1930 – 29.03.2016)**

Оглавление

<i>Архипова И. В.</i> Модель межкатегориального взаимодействия функционально-семантического поля таксиса с другими полями	5
<i>Боднарук Е. В.</i> Категория футуральности в немецком языке: на стыке темпоральности, модальности и эвиденциальности.....	6
<i>Войкова М. Д.</i> Структурные функции диминутивов в современном русском языке.....	7
<i>Гусман Тирадо Р.</i> Функционально-семантическое поле аспектуальности в испанском языке на фоне русского: опыт функциональной грамматики.....	8
<i>Дубровина М. Э.</i> Сопоставительный анализ основных свойств русских и турецких деепричастий.....	9
<i>Дымарский М. Я.</i> Сигнификативная ситуация как комплекс категориальных ситуаций	10
<i>Иванова Е. Ю.</i> Бытийно-локативный континуум: болгарский язык на фоне русского	11
<i>Казаковская В. В.</i> Субъективная модальность в детских высказываниях и текстах.....	12
<i>Каксин А. Д.</i> Функционально-грамматическая категория эвиденциальности и ее содержательный прототип.....	13
<i>Кобозева И. М.</i> Опыт применения теории функциональной грамматики А. В. Бондарко к категории интеррогативности	14
<i>Крамскова А. С.</i> Прямая эвиденциальность как средство реализации персуазивной интенции в современном тибетском языке	15
<i>Краснощекова С. В.</i> Функции вопросительно-относительных <i>какой</i> и <i>как</i> в детской речи	16
<i>Крылов С. А.</i> К изучению инвентаря семантического метаязыка теории функциональной грамматики (коммуникативно-прагматическая и онтологическая таксономия)	17
<i>Кустова Г. И.</i> Системные связи присоединительных и парентетических конструкций	18
<i>Левина И. Н.</i> В аспекте дискурса и жанра: интерпретационный потенциал изъяснительной конструкции	19
<i>Матханова И. П.</i> Специфика аспектуальных ситуаций с двувидовыми глаголами (на материале высказываний с деадъективными биаспективами).....	20
<i>Михайлова Т. В., Михайлов А. В.</i> Ситуативная категория причинности и ее оценочные смыслы в древнерусских «властных» контекстах.....	21
<i>Михеева С. Л.</i> Роль прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений.....	22
<i>Недялков И. В.</i> Актантная деривация в тунгусских языках	23
<i>Овсянникова М. А., Сай С. С.</i> Оформление стимула при страдательных причастиях русских глаголов эмоций.....	24
<i>Онипенко Н. К.</i> К вопросу о взаимодействии функционально-семантических полей	25
<i>Панова Г. И., Викторина Т. В.</i> О средствах выражения морфологических значений в русском языке	26

<i>Петрухина Е. В.</i> Наследие идей А. В. Бондарко: деривационные морфологические категории	27
<i>Поляков Д. К.</i> Залог и залоговость в русском и чешском языках: функционально-семантическое поле как <i>tertium comparationis</i>	28
<i>Пчелинцева Е. Э.</i> Аспектуальные особенности отглагольных имен действия в русском, чешском и болгарском языках	29
<i>Самедова Н. Г.</i> Взгляд А. В. Бондарко на видовое значение древнерусских глаголов передвижения типа <i>ити</i> — <i>ходити</i> и его актуальность для современной аспектологии	30
<i>Самойленко М. А.</i> Логические пропозиции в высказываниях детей с лексико-грамматическим недоразвитием речи	32
<i>Сатюкова Д. Н.</i> Частотные двучленные сочетания однородных прилагательных в современном русском языке (по данным Национального корпуса русского языка).....	33
<i>Стексова Т. И.</i> Способы представления чужой информации в научном дискурсе.....	35
<i>Трипольская Т. А., Матханова И. П.</i> Интерпретационный потенциал конструкций с семантикой удивления	36
<i>Филиппов Д. К.</i> Функционирование прозвища как компонента антропонимической именной группы (на материале севернорусских летописных источников XVI–XVII веков)	37
<i>Холод С. И.</i> Однонаправленные глаголы движения в ситуации единичного конкретного действия.....	38
<i>Храковский В. С.</i> Причинные и каузативные конструкции в зеркале функциональной грамматики	39
<i>Цейтлин С. Н.</i> Некоторые аспекты русской морфологии в зеркале детской речи.....	40
<i>Шустова С. В., Сюткина Н. П.</i> Функционирование эмотивных каузативов в категориальных семантических комплексах	41

Модель межкатегориального взаимодействия функционально-семантического поля таксиса с другими полями

В докладе рассматривается проблема межкатегориального интегративного взаимодействия функционально-семантического поля (ФСП) таксиса и других сопряженных с ним («близких» и «далеких друг от друга») ФСП: аспектуальности, итеративности, темпоральности, временной локализованности, квантитативности, инструментальности, каузальности, кондициональности и концессивности.

Поскольку «выражаемые в речи семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких категорий в определенных условиях, связанных с лексическими значениями словоформ, контекстом и речевой ситуацией» [Бондарко 2011: 85], выдающийся отечественный языковед А. В. Бондарко рассматривает группировку ФСП и соответствующих категориальных ситуаций (аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка) как *аспектуально-темпоральный комплекс* [Бондарко 2011: 96].

В работе мы используем термин А. В. Бондарко в качестве базового и с целью описания модели межкатегориального взаимодействия ФСП таксиса с другими функционально-семантическими полями вводим расширенный термин «темпорально-аспектуально-таксисный поликатегориальный комплекс». В рамках данного поликатегориального комплекса предпринимается попытка конструирования и описания интегративной модели межкатегориального взаимодействия ФСП таксиса с другими смежными (в частности, аспектуальности, итеративности, темпоральности, временной локализованности) и «далекими» ФСП (квантитативности, инструментальности, каузальности, кондициональности и концессивности).

В рамках единого поликатегориального комплекса все рассматриваемые ФСП пересекаются и взаимодействуют друг с другом в аспекте актуализации темпорально-аспектуально-таксисных значений одновременности и разновременности в высказываниях с предложными девербативами и образуют так называемые диффузные интегративные сегменты (темпорально-таксисные, итеративно-таксисные, квантитативно-таксисные, инструментально-таксисные, каузально-таксисные и др.). Характер интегративного межкатегориального взаимодействия мы определяем как «межкатегориальный синкретизм», предполагающий совмещение и интегративное объединение различных языковых значений (темпоральных, аспектуальных, итеративных, темпоральных, квантитативных, инструментальных, каузальных, кондициональных, концессивных). В силу межкатегориального синкретизма в обследованных высказываниях с предложными девербативами актуализируются различные сопряженные таксисные категориальные ситуации одновременности / разновременности (например, темпорально-модально-таксисные, кондиционально-итеративно-таксисные, каузально-итеративно-таксисные, инструментально-итеративно-таксисные и др.).

Литература

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.

Категория футуральности в немецком языке: на стыке темпоральности, модальности и эвиденциальности

Футуральность — функционально-семантическая категория, базовое значение которой заключается в указании на то, что является или мыслится субъектом речи как предстоящее по отношению к некоторой точке отсчета. Семантическая структура футуральности многослойна и включает в себя темпорально-, модально- и эвиденциально-маркированные значения. Темпоральная составляющая футуральности обнаруживается в противопоставлении будущего с дейктической ориентацией (на момент речи) и будущего с относительной (анафорической) ориентацией (на другое действие). Нефактуальность будущего, его неverifiedируемость в момент речи связывают темпоральную основу глагольной футуральности с характеристиками модального и эвиденциального свойства. Модальность будущего представлена двумя компонентами: волитивным и эпистемическим. *Волитивное будущее* коррелирует с намерением совершить действие, с желанием побудить другое лицо совершить действие или с выражением желания / пожелания, чтобы что-либо свершилось. *Эпистемическое будущее* соотносится с оцениванием степени вероятности предстоящего действия или события. При экспликации эпистемических значений, связанных с наличием у говорящего уверенности в том, что действие / событие произойдет, проявляется также эвиденциальная семантика футуральных средств, поскольку в этом случае говорящий обычно опирается на какой-либо источник информации (= *эпистемико-эвиденциальное будущее*). Если говорящий анонсирует будущее событие, наступлению которого ничто не может помешать, поскольку оно детерминировано объективными факторами, речь идет об *эвиденциальном будущем*.

Сложный характер семантической структуры категории футуральности обуславливает значительный репертуар разноуровневых языковых средств, служащих для ее экспликации в речи. Грамматические и лексико-грамматические средства, конституирующие данную категорию, характеризуются тем, что они экспонируют семантику будущего с разной степенью эксплицитности.

Структурные функции диминутивов в современном русском языке

Для лингвистической концепции А. В. Бондарко характерно разграничение телеологической и каузальной трактовки функций языковых единиц [Бондарко 2011: 206–208]. С точки зрения телеологической, языковые единицы разграничиваются по целям их употребления. Телеологическая интерпретация функции предусматривает преднамеренное (интенциональное) использование языковых средств с определенной целью. Каузальная трактовка функции предполагает описание способа поведения единицы, обеспечивающего ее сохранение в языковой системе или сохранность данного участка языковой системы в целом.

Если телеологические функции диминутивов в значительной степени описаны, то рассмотрение их функций с каузальной точки зрения началось с работы Х. Олмстеда [Olmsted 1994], показывающего, что использование диминутивов позволяет детям и взрослым избавиться от непродуктивного женского склонения на согласный. В докладе будут рассмотрены и другие структурные функции, в первую очередь, унификация финалей и перцептивная выпуклость падежных окончаний в духе работы [Воейкова 2020]. Существенно, что структурные функции диминутивов ставят их в один ряд с универбатами *молочка*, *собачка*, уничижительными гипокористиками типа *Петька*, *Ленка*, а также неформальными топонимами типа *Финка*, *Гостинка*. Все эти наименования характеризуются продуктивным использованием в языковой системе, высокой частотностью в разговорной речи и неодобрительно оцениваются языковыми пуристами, для которых, по-видимому, каузальная трактовка функций этих единиц не является очевидной.

Литература

- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56.
- Olmsted H. Diminutive morphology of Russian children: A simplified subset of nominal declension in language acquisition // Alexander Lipson. In memoriam. Columbus, Ohio: Slavica Publishers Inc., 1994. P. 165–207.

**Функционально-семантическое поле аспектуальности
в испанском языке на фоне русского:
опыт функциональной грамматики**

Доклад отражает одобренный Министерством образования Испании научный проект, в котором принимала участие группа испанских и русских ученых. Главной целью проекта являлось внедрение модели грамматики функционально-семантических полей (ФСП), разработанной коллективом Института лингвистических исследований РАН под руководством А. В. Бондарко.

Мы сосредоточимся на изучении аспектуальности в испанском, т. е. в установлении того, какими средствами, принадлежащими разным уровням языка, выражаются в нем аспектуальные значения, что, согласно теории функциональной грамматики, составляет ФСП аспектуальности. Насколько нам известно, этот метод был апробирован только на материале русского языка, хотя существуют попытки его частичного применения к немецкому, английскому и французскому языкам.

ФСП, согласно А. В. Бондарко, — это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

Сопоставительный анализ основных свойств русских и турецких деепричастий

При исследовании турецкого языка обращает на себя внимание большое количество деепричастий в этом языке. Многие лингвисты даже полагают, что разнообразие этих форм является одной из типологических черт тюркских языков вообще. Однако эта тема в тюркском языкознании до сих пор остается не до конца разработанной, так как тюркологи при анализе тюркских деепричастий, в основном, опираются на имеющиеся описания аналогичных форм в русском и в других европейских языках. Тем не менее при детальном рассмотрении становится понятным, что и свойства русских деепричастий сформулированы не вполне четко, что нередко приводит к искаженному пониманию деепричастий в других, далеких по своей структуре от русского языках.

Категория деепричастий по причине своей малочисленности признается в грамматике европейских языков скорее периферийной. Выделенные однажды свойства этих форм редко подвергаются какому-либо пересмотру и выступают в качестве опорных для аналогичных форм других языков, что не всегда соотносится с реалиями восточных языков, как языков иного морфологического типа. Анализ устных и письменных текстов на турецком языке демонстрирует, что деепричастные формы обладают чертами, не свойственными деепричастиям европейских и славянских языков; они имеют многочисленные отличия в своем функционировании внутри высказываний.

Как представляется, на современном этапе языкознание может двигаться в сторону сравнения фактов различных языков по конкретным морфологическим и синтаксическим категориям в целях обогащения своих знаний и усовершенствования терминологического аппарата. Тогда сравнительный анализ деепричастий, проработка и описание обнаруживаемых в текстах характеристик и функции как тюркских, так и русских форм может помочь и индоевропейцам, и типологам, и специалистам по восточным языкам зафиксировать универсальные свойства деепричастий как единицы грамматической системы любого языка.

Доклад содержит сравнительные данные об основных характеристиках деепричастий в русском языке и тех глагольно-именных форм, которые по своему языковому значению входят в категорию деепричастий и обстоятельственных форм турецкого языка. Тюркские деепричастия имеют ряд признаков, которые отличают их от аналогов в европейских языках. Свойства турецких деепричастий, продемонстрированных в работе, в основном, могут относиться и к деепричастным формам других тюркских языков. Примеры, представленные в докладе, иллюстрируют, что такие характеристики, как инфинитность, неизменяемость, соотнесение исключительно с глаголом-сказуемым, которые присущи русским формам, едва ли распространяются и на тюркские деепричастия.

Сигнификативная ситуация как комплекс категориальных ситуаций

Понятие категориальной ситуации (*КС*), предложенное в [Бондарко 1983], используется не столь широко, как оно, думается, заслуживает. Между тем задача построения семантической типологии высказываний может быть решена с опорой именно на это понятие. Каждый семантический тип высказывания может быть представлен в качестве некоторой конфигурации категориальных ситуаций, т. е. типового сочетания определенных значений нескольких семантических категорий (*СК*). Такое понимание прямо вытекает из авторского определения *КС* (см. в особенности пункт (б)): это «выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры, а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании сигнификативной ситуации; в) являющиеся одной из категориальных характеристик высказывания» [Бондарко 2011: 33, со ссылкой на Бондарко 1983].

Сочетание нескольких *КС*, таким образом, определяет тип сигнификативной ситуации — и тип высказывания — в целом. Нескольких, а не всех, потому что в одном высказывании, как правило, реализуются не все, а лишь несколько *СК* — соответственно, может быть обнаружено и несколько *КС*. О подобных сочетаниях как о комплексных категориальных ситуациях писала М. Д. Воейкова: «Номинативное высказывание так же, как и глагольное, может распространяться за счет введения в его структуру дополнительных семантических компонентов (посессивных, локальных, квалитативных). При этом в высказывании отмечается комплексная категориальная ситуация: бытийно-локативная, бытийно-посессивная, бытийно-квалитативная» [Воейкова 1996: 60].

Взаимодействие семантических категорий в составе высказывания изучено пока в значительно меньшей степени, нежели межкатегориальные взаимодействия в глагольной форме в ее соотношении со средой. В докладе предполагается показать некоторые примеры подобного взаимодействия с нетривиальными последствиями для синтаксической структуры высказывания.

Бытийно-локативный континуум: болгарский язык на фоне русского

Сопоставление моделей русского бытийно-локативного континуума с моделями болгарского языка, обладающего рядом типологически значимых отличий от русского, дает возможность прояснить статус дискуссионных конструкций с семантикой бытия и местонахождения (в понимании [ТФГ 1996: 24–25, 56–57; Арутюнова 1976: 213–215]).

В докладе будут рассмотрены данные болгарского языка, регулирующие употребление моделей «утилитарного» наличия, «исчерпывающего перечисления» и нек. др., доказывающие их принадлежность к бытийному типу. Однако основное внимание будет уделено проблемам, связанным с отрицанием бытия и локализации. Так, отрицание локативной предикации в болгарском языке сталкивается с теми же затруднениями, что и в русском: постановка обычного отрицания при предикате чаще всего порождает предложения с противопоставительным отрицанием (*не...*, *а*): *Директор в кабинете. — Директор не в кабинете.* Устранение этой противопоставительности и в русском, и в болгарском языках происходит за счет использования бытийного отрицательного предиката *нет / няма*. Для болгарского языка в таком случае обязательно двойное кодирование объекта бытия как конкретно-референтного, с удвоением именной группы клитическим местоимением: *Директора го няма в кабинета* ‘Директора [его] нет в кабинете’.

Однако такое же кодирование может наблюдаться и в отрицательных коррелятах бытийных предложений, ср. примеры, где в контексте множественного объекта указывается на полное отсутствие представителей данного класса: *Я се огледайте, та те хората ги няма!* ‘Да оглянитесь вокруг, так ведь и людей-то [их] нет’. В докладе анализируется коммуникативно-синтаксический интерфейс в этом и других вариантах бытийной модели (ср. *Няма пари / Пари няма / Парите ги няма* ‘Денег нет’), устанавливается их соотносительность с русскими конструкциями.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
ТФГ 1996 — Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Субъективная модальность в детских высказываниях и текстах

Доклад посвящен анализу способов выражения различных аспектов точки зрения говорящего / пишущего (*propositional attitude*) в письменных текстах русскоязычных школьников 11–17,5 лет. В настоящее время механизмы позднего речевого онтогенеза мало описаны. Однако по целому ряду причин они не менее важны, чем «ранние механизмы», и, по мнению ведущих специалистов в этой области, требуют пристального внимания [Berman 2004; 2017]. Особый интерес представляют категории, на изучении которых не сосредотачиваются в курсе школьной программы. К их числу относится субъективная модальность.

Средства и способы выражения субъективной модальности, отмеченные в сочинениях школьников разных возрастных групп, обсуждаются в отношении а) широты семантического репертуара, б) функционального диапазона, в) частоты использования в текстах различных типов. Прототипические экспликативы субъективной модальности — эпистемические маркеры — рассматриваются на фоне других средств субъективации текста. Полученные результаты сопоставляются с представлениями о раннем усвоении языковых средств, эксплицирующих точку зрения (субъективное начало), маленькими детьми.

Используются теоретические принципы и методы исследования языкового материала, принятые в Петербургской школе функциональной грамматики (в частности, вектор описания «от семантики к средствам ее выражения») [Бондарко 1984 и мн. др.]. Анализ учитывает когнитивную и системно-языковую сложность данного феномена. Вводится понятие эпистемической (и — шире — субъективной) плотности текста, сопряженной с оценкой развития вербальной рефлексии говорящего / пишущего.

Литература

- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
Berman R. (ed.). Language development across childhood and adolescence. TILAR. Vol. 3. John Benjamins, 2004.
Berman R. Language development and literacy // Encyclopedia of Adolescence. Springer International Publishing AG, 2017.

Функционально-грамматическая категория эвиденциальности и ее содержательный прототип

В нашем сообщении мы предполагаем осмыслить содержательную сторону категории эвиденциальности с позиций функционально-семантической грамматики. Функционально-семантический подход позволяет предметно рассмотреть следующий вопрос: в чем глубинные, исходящие из необходимости категоризации мира, истоки появления категории эвиденциальности? Или: почему теми же формами, которыми выражались такие значения, как называние действия по звуку (аудитив), стали выражаться и другие смыслы (которые сейчас входят в число эвиденциальных)?

Основное назначение (форм) данной категории — указывать на то обстоятельство, что сам говорящий не является источником сведений, он не владеет информацией (отгораживается от знания, указывает на кого-то другого, от кого поступила информация, и т. п.). Следует обратить внимание на то, что в самых разных языках выражается один яркий оттенок эвиденциальности: неожиданное обнаружение действия или замечательных свойств кого-либо / чего-либо. Во втором случае это обнаружение может быть констатирующим, или ироническим («случайным»), или преднамеренным, т. е. якобы неожиданным (например, в устойчивых формулах лесты / восхваления): *Какой же ты все-таки дурак!*; *Так вот ты какой, северный олень!*; *О, всемогущий Владыка! Широко растекается по Земле слава о мудрости Твоей!*

Категория эвиденциальности представлена во всех языках, так как имеет большое прагматическое значение: она позволяет говорящему сделать отсылку, не выставляя себя в качестве первого и/или единственного источника информации. Семантика ядерных средств ее выражения укладывается в формулу В. А. Плунгяна: «эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации». Считаем, что для периферийных коннотаций эвиденциальности подойдут некоторые другие, дополнительные, формулировки типа: эти формы указывают на «убежденность говорящего в чем-либо» или, напротив, выражают «отрыв от действительности», «отгораживание / отвлечение от произносимой информации».

По ходу сообщения будут приведены примеры из русского, хантыйского и хакасского языков.

Опыт применения теории функциональной грамматики А. В. Бондарко к категории интеррогативности

Интеррогативность принадлежит к числу коммуникативно-грамматических категорий, передающих отношение высказывания к коммуникативной цели говорящего [Адмони 1973: 14–16]. К этой категории в полной мере применимо понятие функционально-семантического поля (ФСП) как базирующейся на определенной семантической категории группировке грамматических и строевых лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций [Бондарко 1987: 11]. В качестве семантической категории здесь выступает вопрос как коммуникативный тип высказывания.

План содержания ФСП интеррогативности на основе комплекса различительных признаков представим в виде многоступенчатой иерархической системы семантической вариативности (субкатегоризации), соотнесенной с вариативностью средств формального выражения. Признаки могут быть как семантическими (например, признак характера запрашиваемой информации, по которому вопросы делятся на общие и специальные), так и прагматическими (например, признак инициативности / реактивности высказывания). В докладе на материале русского языка будет проанализирована субкатегория переспроса, выделяемая по ряду прагматических признаков и имеющая свои специфические средства формального выражения.

Литература

Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973.

Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 5–39.

Прямая эвиденциальность как средство реализации персуазивной интенции в современном тибетском языке

В формировании глагольной парадигмы современного тибетского языка (центральнотибетские диалекты) важную роль играет категория эвиденциальности, которая позволяет говорящему указать на источник информации или доступ к ней. Формы прямой эвиденциальности (ПЭ) — *'dug*, *V-gi.'dug* и др. — могут применяться говорящим для акцентирования непосредственной засвидетельствованности факта информации. В частности, данные формы становятся регулярным средством выражения персуазивной интенции при попытке говорящего убедить собеседника в правильности высказываемого суждения или побудить его изменить свое отношение к высказываемой информации.

В докладе рассматриваются результаты исследования речевых тактик и средств, используемых говорящим для реализации персуазивной интенции в современном письменном тибетском тексте на материале корпуса из 20 произведений различных жанров художественного, научного и публицистического стилей. Для отбора речевых актов с персуазивной интенцией и последующего их рассмотрения использовались дискурсивный анализ с характеристикой речевой обстановки, адресанта, адресата и предмета высказывания, а также анализ значений глагольных форм со значением ПЭ в объеме операционного контекста.

Использование форм ПЭ для выражения персуазивной интенции оказалось характерно для диалогической речи литературных персонажей, в которой они из-за недостаточной логической аргументации приводят собственный или цитируемый непосредственный опыт в качестве прагматической аргументации. Формы ПЭ могут дополнительно сочетаться с лексическими и синтаксическими экспрессивными средствами, однако, в отличие от речевых актов с эмоционально-оценочной интенцией, адресат высказывания всегда эксплицитно выражен. Также формы ПЭ часто используются при оформлении новостей в газетных текстах для создания эффекта прямого наблюдения описываемых событий или цитирования прямых свидетелей.

Функции вопросительно-относительных *какой* и *как* в детской речи

Местоименные лексемы с квалитативным значением, принадлежащие к вопросительно-относительному разряду (местоимение-прилагательное *какой* и местоименное наречие *как*), по своему функционированию в устной речи отличаются от других к-слов. Объединив близкие значения, данные в МАС [Евгеньева 1999], получаем следующий набор функций: вопросительная, относительная (при глаголе и при соотносительном слове), дейктическая (указательная и анафорическая), неопределенная и эмфатическая.

Было проанализировано 925 высказываний детей и 1040 контекстов из устного подкорпуса НКРЯ с *какой* и *как*. Анализ позволил сделать следующие выводы.

В речи детей ведущее положение занимает указательная функция. Так, самой распространенной является конструкция типа *смотри, как / какой...*, в которой сопрягаются относительная и указательная функции; активнее, чем в речи взрослых, используются указательные сочетания типа *вот как / какой* и эмфатически-указательные варианты местоименных лексем типа *ой как / какой...* Прямая указательность, связь с дейктическим центром прагматически важна для ребенка, так как позволяет апеллировать к референтам, непосредственно включенным в коммуникативную ситуацию. Включенность в ситуацию общения играет роль и при формировании детских вопросов с *какой / как*. Дети предпочитают задавать вопросы об известных референтах, обычно присутствующих в поле зрения, и о протекающих одновременно с вопросом ситуациях. Хотя семантика вопросительных местоименных лексем часто трактуется как «неизвестный мне, известный тебе», для ребенка задать вопрос о том, что присутствует в ситуации и известно частично, проще, чем о чем-то перенесенном, исключенном из дейктического центра (ситуация в прошлом или будущем, референт вне поля зрения). С этим же, вероятно, связано отсутствие у детей типичного для взрослых [Труфанова 2016] *какой / как* в неопределенном значении. Таким образом, *какой* и *как* в детской речи тяготеют больше к дейктичности, чем к кванторности, и отчасти ближе к своим указательным парам *такой* и *так*, чем к другим к-словам типа *кто* и *что*, для которых первична вопросительная функция.

С возрастом уменьшается число указательных употреблений и растет частотность вопросов о не включенных в коммуникативную ситуацию предметах и действиях; развиваются относительные конструкции при глаголах речи-мысли и соотносительных словах.

Литература

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999.

Труфанова И. В. Неопределенное местоимение *какой* // Экология языка. Пенза, 2016. С. 18–23.

**К изучению инвентаря семантического метаязыка
теории функциональной грамматики
(коммуникативно-прагматическая и онтологическая таксономия)¹**

В задачи металингвистики входит инвентаризация и систематизация элементов семантического метаязыка, на котором А. В. Бондарко (и шире, Петербургская школа функциональной грамматики) описывает внутреннюю сторону языковых (и речевых) знаков. Доклад базируется на интегральном металингвистическом подходе. Предметом систематизации являются как модусная, так и диктумная таксономия.

1. Коммуникативно-прагматическая (модусная) таксономия («мир человеческой коммуникации»):

- (1) разновидности самих речевых актов (высказываний):
  - (1.0) речевой акт в общем виде;
  - (1.1) содержание речевого акта и части этого содержания;
    - (1.1.2) механизмы соотносительности высказывания с действительностью и значимые параметры речевых актов;
    - (1.1.3) приемы подачи содержания высказывания;
  - (1.2) участники речевых актов (их роли; элементы внутреннего мира коммуникантов; отношения между коммуникантами);
  - (1.3) свойства речевых актов;
    - (1.4.1) разновидности речевых актов;
    - (1.4.2) жанры речи;
- (2) результаты речевого акта — речевые произведения (тексты), в том числе:
  - (а) текст в целом вообще;
  - (б) разновидности текстов.

2. Онтологическая (диктумная) таксономия («мир вне языковой действительности»):

- (1) базовые «сущности»;
- (2) общие характеристики (признаки) предметов и ситуаций;
- (3) базовые «отношения», т. е. «отношения между базовыми сущностями»:
  - (3а) между ситуациями;
  - (3б) между ситуацией и ее участником;
  - (3в) между предметами.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка» (2018–2020 гг.).

Системные связи присоединительных и парентетических конструкций

В языке существуют противоположные процессы изменения коммуникативного статуса тех или иных фрагментов синтаксической (и, соответственно, смысловой) структуры [Appelt 1995; Banik 2009; Kehler 2002; Potts 2005; Urmson 1963; Апресян 1995]. С одной стороны, действует процесс акцентирования, выделения, когда некоторый фрагмент приобретает бóльший коммуникативный вес, — синтаксически это может выражаться в обособлении, в том числе в парцелляции. С другой — процесс редукции, понижения синтаксического и коммуникативного статуса. Один из типичных примеров редукции главной клаузы — «превращение» ее в парентезу: **Синоптики предполагают, что осень будет теплой — Осень, как предполагают синоптики, будет теплой.** Парентетические, или, в русской терминологии, вводные, конструкции (ВК) можно рассматривать как результат синтаксического преобразования исходного высказывания либо как выбор особой стратегии кодирования. Для нас важно, что ВК имеет более низкий статус по сравнению с главной клаузой. Другой вариант редукции главной клаузы — «превращение» ее в относительную клаузу, или распространительно-присоединительную конструкцию (РПК): **Он всегда гордился тем, что занял на международных соревнованиях первое место — Он занял на международных соревнованиях первое место, чем всегда гордился.** При этом ВК и РПК имеют системные связи не только со сложным предложением, но и между собой: **«Бавария», как и надеялись болельщики, вышла в финал — «Бавария» вышла в финал, на что и надеялись болельщики.**

Стратегии кодирования глагола с пропозициональным актантом в виде ВК или РПК неравноценны: вводные конструкции представляют собой более сильную ступень редукции и имеют значительно больше системных ограничений по сравнению с присоединительными: (1) ВК допускают лишь некоторые типы предикатов — мнения, знания (*как я думал / надеялся / боялся; как я понял; насколько мне известно*), РПК допускают также эмоциональные и оценочные предикаты (*...что меня огорчило; ...чему он очень рад; ...что важно / странно / плохо / хорошо*); (2) ВК, в отличие от РПК, обычно не допускают отрицания при предикате: *Он достал билеты, на что мы уже не надеялись* — **Он, как мы уже не надеялись, достал билеты*; (3) не допускают интенсификаторов: *Я предупредил его, что в межсезонье он либо наберет форму, на что я очень надеюсь, либо покинет команду* [НКРЯ] — **В межсезонье он наберет форму, как я очень надеюсь* (допустимо: *как я надеюсь*); (4) ВК и РПК различаются с точки зрения позиции в предложении.

В докладе рассматриваются закономерности выбора ВК или РПК, которые имеют не только теоретический, но и практический интерес: правила выбора одной из стратегий, их системные связи и ограничения важны для обучения русскому языку как иностранному и для создания программ автоматической обработки текста.

Литература

- Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Апресян Ю. Д. Избр. труды в 2-х тт. Т. 2. М., 1995. С. 405–433.
- Appelt D. E. Planning English sentences. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Banik E. Parenthetical Constructions — an Argument against Modularity // Proceedings of the 2009 Workshop on Grammar Engineering Across Frameworks, ACL-IJCNLP 2009, Suntec, Singapore, 6 August 2009. 2009 ACL and AFNLP. P. 46–53.
- Kehler A. Coherence, Reference and the Theory of Grammar. CSLI. 2002.
- Potts C. The logic of conventional implicatures. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005.
- Urmson J. O. Parenthetical verbs // Ch. E. Caton (ed.). Philosophy and ordinary language. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, 1963. P. 220–240.

В аспекте дискурса и жанра: интерпретационный потенциал изъяснительной конструкции¹

Сложноподчиненное предложение (СПП) нерасчлененного типа с изъяснительно-союзным придаточным является основным, ядерным, средством, эксплицирующим изъяснительность, в границы которой могут также включаться СПП изъяснительно-местоименного типа, некоторые местоименно-соотнесительные и бессоюзные сложные предложения, простые предложения с вводными компонентами, делиберативы, словосочетания с объектным распространителем.

Выявить тенденции в использовании изъяснительной конструкции — не только на уровне дискурса, но и на уровне жанра — позволяет анализ с опорой на понятие лексико-синтаксической модели типа [ТОЛКИ], (БУДТО...) |^{разг.}. Ее интерпретационный потенциал обуславливается возможностью одновременно учитывать семантику опорных слов, парадигматику (активность использования определенных вариаций, фиксирующих морфологическую форму опорного слова), синтагматику (сочетаемость с другими компонентами), а также структурные особенности реализации модели в речи / тексте.

Сравнение частоты употреблений в художественном дискурсе показывает, например, что изъяснительные предложения используются в поэзии по сравнению с беллетристикой почти в 4 раза реже. Данные, являющиеся среднестатистическими, для некоторых жанров, однако, могут быть нерелевантны: так, проявляет тенденцию иного характера жанр басни, о чем свидетельствует увеличение более чем в два раза количества употреблений.

Когнитивной основой формирования доминирующей стилевой черты жанра басни — поучительности (дидактичности) — является обобщение, что в области изъяснительного предложения поддерживается парадигматикой (превалированием вариаций с опорными словами в морфологических формах, структурирующих неопределенно-личное (V3pl) и безличное (V3s/n) предложения в главной части) и особенностями синтагматики модели (стабильное заполнение позиции модального субъекта единицами нереперентного характера).

Повышенная для басенного дискурса частота обращения к изъяснительному СПП и чрезвычайное разнообразие состава лексико-синтаксических моделей обеспечивает, в совокупности с другими средствами, коммуникативную успешность басен И. А. Крылова.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ): проект А20-012-00126 «Русская изъяснительная конструкция: полидискурсивная парадигма».

Специфика аспектуальных ситуаций с двувидовыми глаголами (на материале высказываний с деадъективными биаспективами)

Аспектуальные ситуации послужили основой для разработки теории категориальных ситуаций (КС), которая наряду с понятием функционально-семантического поля (ФСП) является фундаментом функциональной грамматики, разработанной А. В. Бондарко [Бондарко 1983; 1984; 2002 и др.]. Эти понятия связывают языковую и речевую системность, и КС является не только объектом, но и инструментом анализа, так как позволяют судить о потенциале языковых единиц, входящих в состав соответствующего ФСП.

Аспектуальные ситуации (АС) являются наиболее изученными, им посвящено немало работ как самого А. В. Бондарко, так и его учеников. АС с двувидовыми глаголами исследованы недостаточно, наиболее полно они описаны в работах Л. П. Бирюковой (см., например, [Бирюкова 2009]). Биаспективы обычно представляют как единую группу, в отличие от парных и одновидовых глаголов, рассматриваемых в связи с акциональными классами. Биаспективы также логично распределить между акциональными классами (действиями, процессами, деятельностями и др.) и этим объяснять их поведение.

Деадъективные двувидовые глаголы (типа *европеизировать, исламизировать, оптимизировать*), в семантике которых содержится обобщение ряда актов, направленных на разные объекты и совершаемых в течение некоторого длительного периода времени, выходящего за рамки простого наблюдения, можно считать одним из таких классов.

Специфика рассматриваемой подгруппы заключается в репертуаре АС. В отличие от других биаспективов у деадъективных глаголов этого типа наблюдаются ограничения в реализации АС, у них отсутствуют конкретно-процессная, ограниченно- и неограниченно-кратные ситуации НСВ, возможны континуальная, общефактическая и потенциально-качественная ситуации; при типовом воплощении конкретно-фактической и перфектной ситуаций СВ зафиксировано отсутствие наглядно-примерной и потенциальной АС.

Выделяются АС, в которых одновременно реализуются значения континуальности и фактичности, обобщенной и конкретной фактичности (при неразграничении настоящего и будущего временных планов), при наличии в высказывании элементов, типичных для разных АС.

Выявленная вариативность АС открывает новые черты в характеристике деадъективных двувидовых глаголов как одного из типов биаспективов.

Литература

- Бирюкова Л. П.* Двувидовые глаголы русского языка. СПб., 2009.
Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

Ситуативная категория причинности и ее оценочные смыслы в древнерусских «властных» контекстах

Авторы описывают проявления категории причинности и оценочных смыслов, сопутствующих ей, на материале публицистических текстов второй половины XVI – начала XVII вв. Анализируются контексты с «властной» семантикой, с различными точками зрения на участников исторических событий и их инициаторов. Интересны ситуации оценки книжником-публицистом образа царя.

Семантика категории причинности предполагает соединение говорящим двух ситуаций, которые, с его точки зрения, связаны причинно-следственными отношениями, осложненными оценочными смыслами. Система средств выражения подобных отношений подробно описана в трудах А. В. Бондарко, Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, М. В. Ляпон, Е. М. Вольф, Т. В. Шмелевой, В. Б. Евтюхина и др., на которые опираются авторы этой работы.

Категория причинности важна как смысловая категория русской средневековой идеологии. Древнерусское мировоззрение строится на идее взаимосвязанности миров психических и духовных с миром внешним, физическим, миров небесных, «невидимых» с миром земным. Причиной может быть внутреннее состояние человека, а результат относится к физической реальности, получающей символическую оценку, ср. в одном из контекстов, в котором публицист отражает причинно-следственную связь: *Иноцы же образъ смиrenomудрїя ношаше, высокихъ небесныхъ ища, а не земныхъ, и не чюя ихъ ласканїя и прелести, но ставше крепко во православной вѣрѣ христїанской и по благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Василїи Ивановичѣ всеа Русїи крепко стояти и битися съ ними до смерти, а не здатися имъ* [т. е. «разбойникам Илейке Горчакову и Ивану Болотникову»], *и укоряюще и обличающе ихъ безумную прелесть* (Иное Сказание, из Повестей Смутного времени).

Использование способов выражения причины позволяет сделать аргументацию при обсуждении «властных» отношений более прозрачной.

Роль прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений

Исследование посвящено анализу функционирования препозитивных прилагательных, входящих в состав подлежащего как одного из периферийных средств выражения семантики причинной обусловленности (о функционально-семантическом поле подробнее см. [Бондарко 2001: 11–14, 28–39]).

Рассматриваются высказывания, в которых стоящее перед подлежащим прилагательное, помимо значения признака, имеет причинный оттенок: *Мнительный Кипренский объяснял это завистью* (К. Паустовский. Орест Кипренский); *Отчаянный страх парализовал мои члены* (А. Грин. Рассказ Бирка). Прилагательное, таким образом, обнаруживает потенциал функционирования в качестве одного из периферийных средств выражения семантики причинной обусловленности. Препозитивное прилагательное обуславливает использование сказуемого (как правило, это глагольное сказуемое), значение которого по смыслу коррелирует с выражаемым прилагательным признаком — качеством или свойством: «... имеется определенное соответствие смысловой отмеченности между частями биситуативных структур обусловленности. В данном случае — для причинно-следственных отношений — принцип соответствия следующий: это одинаковая, совпадающая смысловая, оценочная отмеченность обуславливающей и обуславливаемой ситуаций. Причина соотносится с отрицательным же следствием, „плохо“ порождает „плохо“, из „хорошо“ следует „хорошо“» [Евтюхин 1996: 144].

Сама по себе категория обусловленности обладает огромным текстообразующим потенциалом. Архитектоника текста, особенно художественного, представляет собой пространственно-временной континуум, на который накладывается разветвленная система перекрестных отсылок от причины к следствию, от условия к следствию, от намерения к цели и т. д. На этой основе связываются между собой фрагменты текста — как находящиеся в непосредственной близости, так и значительно удаленные друг от друга. И выразителем этой связи наряду со специализированными средствами типа союзов, предложно-падежных форм существительных, наречий с обстоятельственными значениями может быть и прилагательное.

Литература

Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. 2-е изд. М., 2001. С. 5–39.

Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: Причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 138–174.

Актантная деривация в тунгусских языках

В докладе проводится анализ синтаксических конструкций актантной деривации в тунгусских языках. Основой для описания выбран эвенкийский язык, рассматриваются также диатезные сходства и различия актантной деривации и в других тунгусских языках — нанайском, негидальском, орокском, орочком, удэгейском, ульчском и эвенском. Актантная деривация в эвенкийском языке представлена следующими пятью категориями, отмеченными во всех тунгусских языках и, как правило, приводящими к изменению валентностных характеристик исходных глагольных форм (добавление или уменьшение валентности на единицу). Каузатив (суффикс *-вкАн-*) во всех случаях приводит к увеличению количества валентностей на единицу, например: *суру-* — ‘уйти’, *суру-вкэн-* — ‘заставить, позволить уйти’; *дев-* — ‘есть’, *деву-вкэн-* — ‘кормить’. Пассив (суффикс *-в(у) / -му*); в абсолютном большинстве случаев пассивные дериваты теряют одну валентность: *ва-* — ‘убить’, *ва-в-* — ‘быть убитым’; *о-* — ‘сделать (в том числе построить)’, *о-в-* — ‘быть построенным’. Реципрок (суффикс *-мАт-*); в большинстве случаев дериваты по сравнению с исходными глаголами добавляют семантические роли, но изменяют оформление синтаксических актантов: *ичэ-* — ‘увидеть’, *ичэ-мэт-* — ‘увидеть друг друга’; *аяв-* — ‘любить’, *аяв-мат-* — ‘любить друг друга’. Результатив (суффикс *-чА-*); в большинстве случаев дериваты теряют одну обязательную валентность, реже дериваты сохраняют количество обязательных валентностей: *локо-* — ‘повесить’, *локу-ча-* — ‘висеть’; *дява-* — ‘взять’, *дяву-ча-* — ‘держать’ (количество валентностей не меняется). Декаузатив (суффикс *-п- / -в-*); во всех случаях декаузативные дериваты, образуемые от транзитивов, теряют одну валентность, например: *мана-* — ‘закончить’, *мана-п-* — ‘закончиться’; *ула-* — ‘намочить’, *ула-п-* — ‘намокнуть, промокнуть’. В докладе анализируются корреляции между основными типами актантной деривации и валентностными классами глаголов в тунгусских языках, в которых имеется пять типов валентностных классов: авалентные глаголы, одновалентные интранзитивы, двухвалентные интранзитивы, двухвалентные транзитивы и трехвалентные глаголы.

Оформление стимула при страдательных причастиях русских глаголов эмоций

При многих страдательных причастиях русских глаголов эмоций возможно два способа оформления участника, вызывающего эмоциональную реакцию, — стимула (1)–(2).

(1) *Мещерский был разочарован ответом.* [НКРЯ]

(2) *Я очень разочарован в этом авторе.* [НКРЯ]

Один из этих способов — творительный падеж (1) — наблюдается при всех таких причастиях и соответствует дефолтному способу оформления смещенного подлежащего при пассиве. Другой различен для разных причастий и всегда совпадает с тем способом оформления стимула, который наблюдается при соответствующем возвратном декаузативном глаголе; для примеров (1)–(2) это глагол *разочароваться*.

В этом исследовании на материале НКРЯ были рассмотрены закономерности выбора оформления стимула при причастиях этого типа. Было обнаружено, что оформление стимула статистически связано с такими параметрами, как онтологический класс стимула и тип формы причастия. Использование недефолтного, лексически заданного способа оформления стимула в целом чаще наблюдается при одушевленном стимуле, а также в конструкциях с краткой (2), а не полной формой причастия (3).

(3) *Фархадов наморщил лоб, разочарованный квелой реакцией.* [НКРЯ]

Эти различия можно интерпретировать в терминах противопоставления двух типов стимула: творительный падеж используется для стимулов, служащих причиной возникновения эмоциональной реакции, лексический способ — для стимулов, которые составляют содержание эмоции. Это семантическое различие отражается и в аспектуальных свойствах причастий и их функциях в тексте. Краткие формы описывают в первую очередь состояние; полные причастия часто используются в нерестриктивных оборотах, имеющих таксисное значение предшествования с оттенком обусловленности (3), — в подобных контекстах более важную роль играет компонент перехода в состояние.

К вопросу о взаимодействии функционально-семантических полей¹

1. При помощи понятия «взаимодействие» в системно-грамматическом представлении языка могут интерпретироваться (а) определенные значения словоформ в рамках той или иной морфологической категории (например, общефактическое значение НСВ как результат взаимодействия функционально-семантических полей аспектуальности, временной локализованности и таксиса или винительный собирательный как результат взаимодействия категорий падежа, числа и одушевленности); (б) ситуации неоднозначного прочтения словоформ в определенных синтаксических позициях (например, лично-субъектных синтаксисом *Для + Род. п., У + Род. п., Перед + Твор. п.*, соединяющих диктальную и модусную семантику); (в) производные неизосемические лексемы (например, случаи синтаксической деривации, по Е. Куриловичу) и неизосемические признаковые синтаксисы (например, каузативные, образованные от предметных имен); (г) полипредикативные синтаксические конструкции (каузативные и авторизованные).

2. Полевое описание грамматической системы используется в грамматике частей речи (в связи с понятием изосемии), в грамматике категорий (понятие функционально-семантического поля), в синтаксисе предложения (понятие синтаксического поля предложения). Взаимодействие полей в системе частей речи понимается как совпадение двух или более периферийных зон (Г. А. Золотова); взаимодействие моделей предложения также относится к периферии синтаксического поля (Г. А. Золотова). Взаимодействие функционально-семантических полей — это взаимодействие семантическое, оно требует описания одного и того же явления в двух полях. Это значит, что, например, общефактическое значение НСВ должно рассматриваться не только в поле аспектуальности, но и в поле временной локализованности (поскольку общефактическое значение не соотносится с точкой зрения наблюдателя, т. е. характеризуется неактуальной локализованностью), а также в поле таксиса (поскольку это значение предполагает отрыв от последующих ситуаций).

3. Взаимодействие функционально-семантических полей осуществляется не на всем семантическом пространстве лексем, а на определенных лексико-семантических группах: например, винительный собирательный образуется от существительных личных, а родительный партитивный — от существительных несчетных (обозначающих вещество или массу чего-либо).

4. В докладе будет рассмотрено взаимодействие полей аспектуальности, таксиса и временной локализованности на примере глаголов разных лексико-семантических групп.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

О средствах выражения морфологических значений в русском языке

Базовым положением морфологической теории Александра Владимировича Бондарко является учение о трех уровнях существования и описания грамматических единиц: 1) уровень «абстрагированной грамматической системы», 2) уровень ее репрезентации «в лексически конкретных единицах», 3) уровень «функционирования грамматических единиц в составе высказывания» [Бондарко 1983: 100].

На первом уровне представлена морфологическая форма (МФ) — главная единица флективного морфологического строя русского языка: [(осн. глаг.) + -у], на втором — словоформа, в которой реализуется МФ в системе языка: *сидж-у*; на третьем — словоформа как единица речи в ее категориальном или некатегориальном употреблении, ср.: *Я сиджу в саду* и *Сиджу я вчера в саду...*

Представим с позиций разграничения этих уровней средства выражения морфологических значений (МЗ) в русском языке.

1. К уровню абстрагированной грамматической системы относятся формообразующие аффиксы и служебные слова как компоненты МФ: [*самый* + (осн. прилаг.) + *-ый*]. Это категориальные морфологические средства, собственно морфологические. Аффиксы могут быть многозначными (обычно), синонимичными и омонимичными, конституируя соответствующие МФ. Могут опосредованно сигнализировать наличие в структуре комплексной МФ сосуществующих значений, не имеющих собственного выражения. Так, в МФ [(осн. глаг.) + -у] флексия непосредственно выражает МЗ лица и числа и тем самым свидетельствует о наличии МЗ не прошедшего времени, а значение времени сопряжено с семантикой индикатива.

2. К уровню словоформ относятся некатегориальные, вспомогательные средства: супплетивные основы, дублирующие выражение МЗ категориальными средствами (*человек-Ø — люди*); чередования и ударение, дифференцирующие омонимичные МФ: *лег-Δ-Ø — ляг-Δ-Ø, якоря — якоря́* (в устной речи).

3. На уровне высказывания могут быть элементы, дифференцирующие омонимичные словоформы (падежа субстантивов и вида двувидовых глаголов) или же указывающие на род субстантива.

Литература

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

Наследие идей А. В. Бондарко: деривационные морфологические категории

Доклад посвящен анализу морфологической деривации и деривационных морфологических категорий, принципы выделения которых разработаны А. В. Бондарко в книге «Теория морфологических категорий» [1976]. Деривация (от лат. *derivatio* — выведение, образование) в широком понимании трактуется как процесс создания в языке любых вторичных единиц на базе других, принимаемых за исходные, при помощи определенных правил и операций. Деривационные отношения в языке — это один из фундаментальных типов системообразующих отношений (наряду с парадигматикой и синтагматикой). Выделяют деривацию фонологическую, словообразовательную, формообразовательную, семантическую, фразеологическую, синтаксическую. «Деривация» иногда понимается как объединяющий термин (как морфологическая деривация, происходящая в рамках слова) для обозначения словоизменения (*inflection*) и словообразования (*word-formation*) [Bybee 1985]. В российском языкознании, начиная с работ Ф. Ф. Фортунатова, Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, складывалась традиция к разграничению словоизменения и словообразования. А. В. Бондарко, не выходя за рамки данной традиции, обосновал необходимость выделения морфологической деривации и разграничения словоизменительных и деривационных морфологических категорий. Первые предполагают «чередование словоформ, между которыми нет отношения производности» [Бондарко 1976: 103], например падежных форм имени или личных форм глагола. В деривационных морфологических категориях одна словоформа производится от другой, например при образовании видов (*открыть* > *открывать*, *красить* > *покрасить*), форм страдательного залога (*ремонтировать* > *ремонтироваться*) и др. При этом словообразовательные по своему механизму процессы — суффиксация и префиксация — используются для деривации грамматических форм. Идеи деривационной морфологии А. В. Бондарко были развиты в работах Ф. Лемана и Е. В. Петрухиной [Lemann 2003; Петрухина 2014].

Литература

- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. М., 1976.
- Петрухина Е. В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // *Scando-Slavica*. 2014. Т. 60. № 2. С. 253–274.
- Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, 1985.
- Lemann V. *Grammatische Derivation (Aspekt, Genus verbi, Komparation, Partizip und andere Phänomene zwischen Flexion und Wortbildung)* // T. Berger, K. Gutschmidt (Hgg.). *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*. München, 2003.

Залог и залоговость в русском и чешском языках: функционально-семантическое поле как *tertium comparationis*

Категория залога во всех славянских языках, как известно, относится к числу наиболее сложно структурированных, и комплексное ее описание стало возможным лишь за рамками узко морфологического подхода. Выход за эти рамки совершили представители различных лингвистических направлений: ср. теорию диатез и залогов (Ленинградская типологическая школа), разработанную в чешской лингвистике теорию деагентизации, развивающую идеи Б. Гавранека [Havránek 1928] (М. Грепл, П. Карлик), выделение функционально-семантического поля залоговости (А. В. Бондарко).

А. В. Бондарко регулярно обращался в своих работах к залоговой проблематике (см. [Бондарко 1971; 1976; 2004; ТФГ 1991]). Не занимаясь сопоставительными исследованиями в этой области, он в то же время указывал на общеславянскую специфику категории залога: «Трудность решения проблемы залога в славянских языках заключается в том, что в данном случае недостаточно четко определилось ядро функционально-семантической категории. Не сложилась однородная система грамматических форм с ясными формальными показателями. Компоненты грамматической категории залога тесно срослись с другими элементами залоговости» [Бондарко 1971: 55]. Это «тесное сращение» имеет в каждом из языков свои проявления, обусловленные уже структурной межъязыковой асимметрией (ср. в чешском по сравнению с русским: свободное образование форм причастного пассива и рефлексивного пассива от глаголов СВ и НСВ; наличие двух возвратных компонентов *se* и *si*; регулярное образование форм субъектного имперсонала / «безличного пассива» типа *jde se tam dvě hodiny* ‘туда идти («идется») два часа’ и др.). Данные факты возможно рассматривать с помощью инструментария, разработанного Петербургской школой функциональной грамматики.

В докладе предполагается выделение центральных и периферийных манифестаций макрополя залоговости в русском и чешском языках с учетом также положений чешской лингвистики (в том числе упомянутой выше теории деагентизации [Grepl, Karlík 1983]).

Литература

- Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004.
ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.
Grepl M., Karlík P. Gramatické prostředky hierarchizace sémantické struktury věty. Brno, 1983.
Havránek B. Genera verbi v slovanských jazycích, I. Praha, 1928.

Аспектуальные особенности отглагольных имен действия в русском, чешском и болгарском языках

Несмотря на значительное сходство грамматических систем, славянские языки имеют различия в образовании, семантике и функционировании неличных форм глагола, к которым часто относят и отглагольное имя действия. Известно, что эта категория слов демонстрирует различное синтаксическое поведение: например, в чешском конструкции с отглагольными именами используются для выражения зависимого таксиса [Коцкова 2019], в болгарском они активно употребляются в моно-, поли- и бессубъектных предложениях, выражают таксисные отношения одновременности и последовательности событий [Пометкова 2008], в русском языке для этих конструкций больше востребованы инфитив, деепричастие или другие глагольные формы. Интересно сопоставить потенциал и функционирование отглагольных имен действия в качестве компонента функционально-семантического поля аспектуальности в языках, которые представляют три разных славянских подгруппы.

В русском языке отглагольные имена действия системно не сохраняют глагольную корреляцию по виду (*изучать* (НСВ) → *изучение* ← *изучить* (СВ)), а случаи типа *чтение* — *прочтение* единичны, в таких парах обычно обнаруживаются только рефлексy глагольной категории вида. В болгарском языке отглагольные существительные регулярно образуются только от имперфективных глаголов с помощью *-nje* (*-ne*) (и эту группу даже иногда предлагается рассматривать как болгарский герундий [Šipka 2000]), тогда как от глаголов СВ имена действия образуются нерегулярно и семантически непредсказуемо. В чешском существует категориальный тип имен действия с суффиксами *-nie* (*-ní*) / *-tie* (*-cie*), *-ti* (*honěníe* ‘охота’), который регулярно образуется от обеих аспектуальных форм глагола и довольно последовательно сохраняет формальные показатели и аспектуальную семантику, обладая высокой степенью семантической предсказуемости [Karlík 2004]. Т.е. эти три языка на уровне языковой системы демонстрируют три степени сохранения глагольной аспектуальности. В докладе будут представлены результаты сравнительного корпусного исследования аспектуальных свойств и возможностей чешских, болгарских и русских отглагольных имен действия.

Литература

- Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2019. Т. XV. Ч. 3. С. 87–110.
- Пометкова Я. И. Центр и периферия на зависимия таксис в българския език // Сборник научных статей к 60-летию профессора В. И. Супруна: У чистого источника родного языка. Волгоград, 2008. С. 49–56.
- Karlík P. Mikrosyntax českých deverbálních jmen // Sborník prací filozofické fakulty brněnské university. 2004. Т. 52. S. 71–81.
- Šipka D. O statusu glagolske imenice // Зборник МС за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2000. XLIII. С. 641–645.

Взгляд А. В. Бондарко на видовое значение древнерусских глаголов передвижения типа *ити* — *ходити* и его актуальность для современной аспектологии

В последней из трех работ, посвященных глаголам передвижения, А. В. Бондарко [1961; 1962; 1969] всесторонне и скрупулезно исследует формы аориста типа *иде* в их соотношении с формами типа *пойде* и на богатейшем материале четко обозначает связанные с ними исследовательские вопросы.

1. Каковы закономерности употребления данных форм?
2. Почему они часто выступают в сходных, вплоть до деталей, контекстах? Потому что рассматриваемые глаголы пока «безвидовые»? Они «двувидовые»? Формы типа *иде* являются однозначно имперфективными?
3. В каких формах глаголы типа *ити* воспринимаются как перфективные (с точки зрения современного языка)? Почему обсуждаемое значение чаще всего приписывается именно аористу и причастию прошедшего времени?
4. Как объяснить, что это значение в известных условиях имеет также ненаправленный глагол *ходити*?
5. Что вообще представляет собой наблюдаемое значение?
6. Оно вносится указанными формами?
7. Почему, в таком случае, эти формы начинают вытесняться формами типа *пойде* при еще «живом» аористе?
8. Как согласовать идею «безвидовости» именно данных форм данных глаголов с фактом широкой распространенности соответствующих форм глаголов типа *пойти*?
9. Как быть с тем, что в ряде случаев употребление глаголов типа *ити* в форме аориста «легко может быть понято как имперфективное даже с точки зрения современного языка» [Бондарко 1969: 46], а в других случаях «имперфективность не так очевидна, хотя и возможна» [Там же]?
10. Насколько широко выявленный процесс охватил глаголы передвижения?
11. Почему он имел место не во всех славянских языках? А. В. Бондарко указывает на современный чешский, где произошло обратное: в рассматриваемом типе употребления перфективные глаголы передвижения в подавляющем большинстве форм были вытеснены имперфективными коррелятами.

Ученый заключает, что различные толкования рассматриваемых глаголов свидетельствуют о наличии проблемы, «не допускающей пока однозначного решения» [Там же: 49].

В докладе предлагается экстраполировать принципы описания глаголов передвижения типа *идти* — *ходить*, изложенные в [Samedova 2016; Самедова 2017; 2018; Самедова (в печати)], на древнерусский язык и охарактеризовать обсуждаемые А. В. Бондарко примеры с точки зрения признаков гомогенности / негомогенности и переходности / непереходности.

Литература

Бондарко А. В. К вопросу о глаголах движения в чешском языке (формы типа *ponesu, poletím*) // *Slavia*. 1961. Т. XXX. № 4. С. 527–547.

Бондарко А. В. К вопросу о глаголах движения в древнерусском языке // Программа и тезисы докладов Всесоюзной конференции по славянской филологии (17–22 дек. 1962 года) / Ред.: Б. А. Ларин, В. Б. Оболевич, Г. И. Сафронов. Л., 1962. С. 58–59.

Бондарко А. В. К определению вида бесприставочных глаголов движения в древнерусском языке (в сопоставлении с чешским) // *Славянская филология: Сб. статей / Отв. ред. П. А. Дмитриев*. Л., 1969. С. 39–49.

Самедова Н. Г. Традиционное описание глаголов передвижения типа *идти* — *ходить*: о проблемах и о пути их решения // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина): Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2017 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 136–138.

Самедова Н. Г. Имперфективы типа *ходить* и перфективы типа *сходить*: статус аспектуальных отношений // Материалы Международной конференции русистов в Барселонском университете. Барселона, 2018. С. 1482–1494.

Самедова Н. Г. Имперфективы типа *идти* и перфективы типа *пойти*: статус аспектуальных отношений // Славистички студии (в печати).

Samedova N. G. Verbs of locomotion like *идти* (to go) — *ходить* (to walk): Some thoughts on their semantic description // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. 2016. P. 308–357.

Логические пропозиции в высказываниях детей с лексико-грамматическим недоразвитием речи

Пропозиция — смысловая модель действительного или ментального события, реализующаяся в высказывании. Пропозиции подразделяют на событийные и логические [Шмелева 1994]. Что происходит, если интеллектуальный акт по значению и наличию мотива к вербализации превосходит «технические» средства, которыми владеет носитель языка? Отвечая на этот вопрос, исследователь может описать логическую пропозицию в коммуникативном и функциональном аспекте и выделить наиболее частотные, доступные типы логических пропозиций.

Работа выполнена на материале текстов звучащей речи детей с лексико-грамматическим недоразвитием речи (далее — ЛГНР) [Корнев 2006: 238–243]. В основу работы положена концепция семантического синтаксиса Т. В. Шмелевой, предусматривающая 19 типов логических пропозиций. Выделены наиболее популярные типы логических пропозиций: пропозиция причины, следствия и соединения. Самые «сложные» для детей с ЛГНР пропозиции — причины, идентификации, уступки. Самые доступные — пропозиция следствия и соединения — реализуются нормативно. Типичны следующие способы функционирования логических пропозиций в речи детей с ЛГНР:

- нормативное употребление;
- контекстный эллипсис;
- неполная или формальная реализация пропозиции;
- замкнутая логическая пропозиция;
- кумулятивная реализация пропозиции;
- подмена типа пропозиции;
- реализация логической пропозиции с ошибкой;
- отказ от использования пропозиции (встречается сравнительно редко).

Излагаемые выводы могут использоваться в методике коррекционно-логопедической работы. Для лингвиста они представляют информацию об особенностях функционирования логической пропозиции в языке.

Литература

Корнев А. Н. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994.

Частотные двучленные сочетания однородных прилагательных в современном русском языке (по данным Национального корпуса русского языка)

Доклад посвящен описанию частотных двучленных сочетаний с однородными прилагательными (типа *молодой, красивый*) в современном русском языке (для нахождения таких сочетаний использовался поиск по биграммам внутри Национального корпуса русского языка¹).

Среди найденных сочетаний анализировались только такие, для которых основной сферой функционирования являются художественные тексты (по этой причине не рассматривались сочетания *экономический, политический, новый, советский* и др., встречающиеся в основном в публицистике). Не описывались также последовательности прилагательных, которые относительно часто (в десяти и более процентах всех употреблений) встречались в произведениях одного автора. Таким «авторским» адъективным сочетанием является, например, последовательность *милый, бесценный* (35,9% всех употреблений приходится на тексты П. И. Чайковского, 18,7% — на тексты И. И. Лажечникова). Наконец, не рассматривались сочетания, состоящие из субстантивированных прилагательных, например *разумное, доброе, прошлое, настоящее* и др.

Таким образом было отобрано 25 двучленных сочетаний, которые можно объединить по разным основаниям в несколько групп.

Большинство адъективных сочетаний характеризуется относительно свободной сочетаемостью с определяемыми существительными (ср. набор существительных, с которыми употребляется в корпусных примерах последовательность *бледный, худой: женщина, лицо, мать, ребята, рука, смотритель, человек, щеки* и др.), однако встречаются и такие сочетания прилагательных, которые оказываются «закрепленными» за ограниченным набором существительных (так, последовательность *ясный, солнечный* употребляется преимущественно с тремя определяемыми словами — *день, погода, утро*).

Некоторые прилагательные входят в состав сразу нескольких адъективных сочетаний. Так, слово *высокий* встречается в пяти сочетаниях (и в каждом выступает на первом месте): *высокий, стройный; высокий, худой; высокий, красивый; высокий, худощавый; высокий, широкоплечий*; другие же упоминаются только по одному разу (например, не встречаются в других сочетаниях прилагательные из последовательности *ясный, солнечный*).

Особый интерес представляют 4 сочетания, состоящие из повторяющихся прилагательных: *бедный, бедный; милый, милый; долгий, долгий; длинный, длинный*. Первые два сочетания используются, как правило, с именами собственными, с терминами родства, а также с существительными, называющими лицо; для сочетаний характерно употребление в именительном падеже в ситуации воспоминаний о человеке или прямого обращения к нему (1–2):

(1) *Бедный, бедный Алексей Тихонович!.. Подумаешь, какая смерть!.. А пожил бы еще!.. Ведь он был человек нестарый* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)];

(2) *Милая, милая мама, как мне жаль тебя!..* [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)].

В последовательностях *долгий, долгий* и *длинный, длинный* присутствует сема протяженности, но различаются эти прилагательные своей сочетаемостью с разными тематическими классами существительных: для *долгий, долгий* типичным является

¹ Команда поиска, задаваемая в корпусе: A, plen, -comp, -comp2, -supr на расстоянии 1 от A, plen, -comp, -comp2, -supr casered numred,acomma.

употребление со словами, обозначающими отрезок времени (*год* и др.), в то время как *длинный, длинный* используется с обозначениями вещественных предметов (*коридор, мост* и др.); обе последовательности прилагательных тяготеют к атрибутивному употреблению (3–4):

(3) *Длинный, длинный мост* через Днепр, красное слепящее солнце в окна справа, внизу и вдали полнота мутной желтой воды [И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность (1927–1933)];

(4) *Поцелуй меня. Ведь теперь все можно, я твоя законная жена, и на долгие, долгие годы* [Е. М. Шаврова. Жена Цезаря (1897)].

В докладе планируется подробнее описать особенности частотных двучленных сочетаний прилагательных в русском языке и наметить принципы объединения этих слов внутри однородного ряда.

Способы представления чужой информации в научном дискурсе

В докладе отражается понимание автором изъяснительной конструкции как смысловой структуры с широким кругом реализаций в виде прямой речи, косвенной речи, тематической чужой речи, выраженных разными синтаксическими структурами: сложноподчиненным, бессоюзным сложным, простым предложением, а также предложением, осложненным модальным компонентом. Объектом исследования является научный текст, который в силу своей полифоничности характеризуется частотным введением чужой информации. Анализируется выбор авторами научного текста способа введения чужой информации. Приводятся результаты лингвистического эксперимента, представляющие собой рефлексии создателей научных текстов по поводу причин выбора одной из возможных синтаксических конструкций, передающих чужую информацию. Выделяются следующие группы оснований выбора конструкции: содержательно-композиционные, жанровые и прагматические. Делается вывод о том, что широкие возможности языковой системы для введения изъяснительной семантики используются авторами научного текста не в полной мере и зачастую бессознательно.

Интерпретационный потенциал конструкций с семантикой удивления

А. В. Бондарко, включая интерпретационный компонент в исходные понятия функциональной грамматики [Бондарко 1987], подчеркивал, что «в языковых значениях следует различать аспекты, которые могут быть истолкованы как а) смысловая основа данного значения и б) интерпретационный компонент — способ представления смысла, связанный с данной формой».

В данной работе интерпретационный потенциал конструкций с семантикой удивления предполагает интегральный подход к изучению этого феномена, учитывающий его лексическое и грамматическое варьирование. Были установлены смежные синонимические ряды: 1) *удивить, изумить, дивить, поразить, потрясти, сразить, шокировать*; 2) *ошеломить, остолбенеть, обалдеть, обомлеть, очуметь* и т. п.; суммированы все возможные грамматические конструкции, в которых воплощается семантика эмоционального состояния: глагольные, субстантивные, адъективные, наречно-предикативные и др., проверены возможности использования каждого из синонимов с учетом их частеречной принадлежности, каузативности, активности / инактивности субъекта, интенсивности и под.

В результате анализа были выявлены группы лексем, существенно различающихся по своим интерпретационным возможностям. Первая группа способна обозначать как внутреннее состояние, так и внешнее его проявление и обладает наиболее широким интерпретационным спектром: эти лексемы образуют почти все конструкции, в том числе каузативные, автокаузативные, причастные и адъективные конструкции, трансформируются в оценочные высказывания. Вторая группа преимущественно представляет состояние удивления как внешнее проявление, у членов этой группы отсутствуют автокаузативная форма, наречно-предикативная конструкция и ряд других, некоторые из них образуют лишь причастную конструкцию (*огорошен, оглушен, ошарашен*) и наречия (*обалдело, остолбенело, очумело*). Кроме запретов и предпочтений, были рассмотрены компенсаторные механизмы, существующие в системе.

Изучение интерпретационного потенциала позволяет выявить семантические особенности определенного фрагмента языковой картины мира, не лежащие на поверхности, установить его формальные, смысловые, когнитивные черты.

Литература

Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

**Функционирование прозвища
как компонента антропонимической именной группы
(на материале севернорусских летописных источников XVI–XVII веков)**

Если именная группа является компонентом иерархической структуры предложения, обладающим синтаксическими свойствами существительного [Подлеская 2011], то антропонимическая именная группа (АИГ) включает собственные именованья людей в их непосредственном контексте.

В состав АИГ входят прозвища — именованья, не имеющие официального статуса и получаемые конкретными людьми в тот или иной период жизни по определенным причинам. Такие прозвища могут влиять на всю структуру АИГ и, в частности, уточнять ее референциальный статус, так как имена собственные в целом предназначены для конкретной референции [Падучева 2010: 10].

Материалом исследования послужили тексты севернорусских летописей XVI–XVII вв. — Холмогорской летописи и Двинского летописца.

Анализ структуры имен в указанных источниках выявляет несколько антропонимических конструкций, содержащих прозвища. В их числе конструкции типа «Имя — Отчество — Фамилия — Прозвище» (*Иван Васильевич Милюков Гусь*). В летописях также представлены конструкции с оттопонимическими прозвищами (*От великого князя Ивана Васильевича Московского*).

Целью исследования является лексико-грамматический анализ структур именованья, содержащих прозвища, а также их функционирование при повторных употреблениях и влияние на изменение всей антропонимической именной группы.

Литература

- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2010.
- Подлеская В. И. Именная группа. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2011.
- Холмогорская летопись. Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 33. Л., 1977.

Однонаправленные глаголы движения в ситуации единичного конкретного действия

Однонаправленные глаголы движения, будучи *imperfectiva tantum*, на уровне высказывания тем не менее могут участвовать в создании разнообразных аспектуальных ситуаций. Основной из них является ситуация единичного конкретного действия, которая может быть предельно-процессной и неопредельно-процессной.

1. В **предельно-процессной ситуации** однонаправленные глаголы движения обозначают совершающийся один раз и в одном направлении конкретный процесс перемещения в его протекании. Поскольку на словарном уровне и в одиночном употреблении они являются неопредельными, задавать предельные ситуации самостоятельно они не могут. Обозначаемое ими действие не содержит внутреннего предела, к которому бы оно стремилось, поэтому для создания предельных ситуаций необходимы внешние ограничители. Так как движение осуществляется в пространстве и во времени, внешний предел действия может быть временным (реже) или пространственным (чаще), например: *Вот кого-то несут на шинели к перевязочному пункту* (А. Бек).

2. В **неопредельно-процессной ситуации** в контексте отсутствуют внешние ограничители действия, вследствие чего ситуация и представляется неопредельной. При этом в предложении либо существенно указание на сам факт осуществления действия (*В хвосте его роты тащились отстающие* (А. Бек)), либо важна качественная характеристика движения (*Захаров, шумно дыша, торопливо шел по тропинке* (В. Гроссман)).

Итак, в ситуации единичного конкретного факта с однонаправленными глаголами движения можно выделить две основные разновидности:

- 1) предельно-процессную с внешним пространственным или временным пределом,
- 2) неопредельно-процессную с акцентом на самом факте осуществления действия или с качественной характеристикой движения.

Один и тот же глагол может участвовать в создании различных ситуаций: как предельных (*Мы с сыном идем в кабинет смотреть новые книги и играть в шахматы* (Г. Бакланов); *Мы однажды с мамой и папой плыли на теплоходе из Одессы в Батуми* (В. Крапивин)), так и неопредельных (*Во мраке мы идем и идем лесом* (А. Бек); *Мы плыли на древнем, давно мне знакомом боте «Игарец»* (В. Астафьев)). При аспектуальной характеристике представленной в предложении ситуации необходимо разграничивать значение глагола и значение контекста.

Причинные и каузативные конструкции в зеркале функциональной грамматики

В докладе сопоставляются клаузная причинная конструкция типа (1) *Петя замолчал, потому что ему стало стыдно*, именная причинная конструкция типа (2) *Петя замолчал от стыда* и каузативная конструкция типа *Стыд заставил Петю замолчать*. Синтаксическое строение этих конструкций различно. Первая конструкция — двухклаузная, в которой основная клауза является предикатным выражением, которое обозначает ситуацию следствия, а зависимая клауза — предикатным выражением, которое обозначает ситуацию причины.

Вторая конструкция — одноклаузная, но, как и первая, состоит из двух предикатных выражений. Одно предикатное выражение — это предложение без факультативного обстоятельства, которое обозначает ситуацию следствия. Другим предикатным выражением является факультативное обстоятельство, которое выражает ситуацию причины, хотя обычно в редуцированном виде.

Третья конструкция представляет одно предикатное выражение, которое совокупно представляет и ситуацию причины, и ситуацию следствия. Вершинную ядерную позицию в этой конструкции занимает трехактантный служебный каузативный глагол *заставить*, чье значение по существу является просто знаком каузации. Позицию первого актанта у этого глагола занимает участник, выступающий в роли причины, а позицию второго и третьего актантов занимают первый участник ситуации следствия и сама эта ситуация.

Итак, у всех трех конструкций различное синтаксическое устройство, но все три конструкции выражают одну и ту же комплексную причинно-следственную ситуацию. Вместе с тем у первых двух конструкций — два предикатных центра, а у третьей только один. Возможно, именно это обстоятельство послужило основанием для традиционного противопоставления первых двух конструкций как причинных третьей конструкции как каузативной.

Однако еще 50 лет тому назад в работе [Недялков, Сильницкий 1969] было показано, что все три эти конструкции входят в один класс конструкций, а отношение каузации является синонимом причинно-следственного отношения.

Литература

Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 5–19.

Некоторые аспекты русской морфологии в зеркале детской речи

Александр Владимирович Бондарко в своих работах и устных высказываниях не раз указывал на то, что исследование процесса освоения языка ребенком может быть чрезвычайно важным для лингвистической теории, особенно в области грамматики.

Действительно, рассматривая очередность освоения ребенком морфологических категорий, а также детские речевые инновации, заключающиеся в не соответствующем норме конструировании словоформы или неверном выборе граммы, можно продемонстрировать целый ряд закономерностей, имеющих в осваиваемом ребенком языке. Некоторые из них уже привлекали внимание исследователей (такие, например, как дефектность словоизменительных парадигм существительных, глаголов и прилагательных), другие же оставались не замеченными раньше. К последним можно отнести, например, случаи нерационального проявления языковой экономии — устранения имеющихся в нашем «взрослом» языке не только незначимых, но и значимых функциональных различий, иерархическая организация системы морфологических правил и многое другое.

Анализ фактов детской речи помогает выявить объяснительный потенциал ряда лингвистических концепций. Введенное в научный обиход Александром Владимировичем Бондарко разделение морфологических функций на семантические и структурные отражается на последовательности их освоения: семантические функции, имеющие когнитивную природу и зависящие поэтому от возраста и речевого опыта ребенка, осваиваются раньше, чем структурные, требующие опоры на абстрактные грамматические модели — такие, например, как количественно-именные конструкции. Чрезвычайно важны для современной онтолингвистики такие идеи А. В. Бондарко, как разграничение прототипических и непрототипических функций граммы и выделение прототипической в качестве «эталонного варианта определенного инварианта» [Бондарко 2002: 265]. В ситуации возможного выбора дети предпочитают эталонный (дефолтный, прототипический) вариант, отвергая непрототипический (*стулы*, а не *стулья*; *плакаю*, а не *плачу* и т. п.). Предлагаемое А. В. Бондарко положение о противопоставлении в языковых значениях смысловой основы и так наз. интерпретационного компонента подтверждается фактами детской речи. Об этом и о многих других его идеях мы предполагаем рассказать в докладе.

Литература

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Функционирование эмотивных каузативов в категориальных семантических комплексах

Авторы исследования базируются на концепции функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко 2002; 2004; 2005] и впервые вводят понятие «эмотивный каузатив» в рамках выявления ключевых средств актуализации каузативной семантики. Эмотивные каузативы не были предметом специального изучения: открытыми остаются вопросы, касающиеся их семантического и прагматического потенциала, а также их статуса как ведущего языкового средства модификации эмоционального состояния лица. Требуется анализ языковых средств, выступающих в качестве причины, мотива каузации в ситуации эмоциональной модификации. Рассматриваемый класс каузативов демонстрирует высокую рекуррентность, что подтверждается данными корпусов.

Авторами вводится понятие категориального семантического комплекса как функционального множества субкомплексов, актуализирующих ранее не выделенные аспекты каузативной ситуации — интенсивность, экспрессивность, итеративность и оценочность. Понятийный аппарат функциональной грамматики расширен за счет введения таких категорий, как «эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс», «эмотивно-экспрессивно-каузативный субкомплекс», «эмотивно-оценочно-каузативный субкомплекс», «эмотивно-итеративно-каузативный субкомплекс», «эмотивно-интенсивно-каузативный субкомплекс». В исследовании предлагается типология категориальных семантических комплексов.

Модель ситуации каузации эмоциональной модификации представляет собой матрицу взаимодействия взаимообусловленных категорий интенсивности, оценочности и экспрессивности в виде категориальных семантических комплексов или субкомплексов. Межкатегориальные связи с субкомплексами реализуются на уровне актуализации элементов функционально-семантических категорий аспектуальности, таксиса, временной локализованности, итеративности и темпоральности в рамках категориальных семантических субкомплексов, функционирующих в ситуации каузации модификации эмоционального состояния.

Для каузативной ситуации с эмотивными каузативами роль среды выполняют адвербиальные единицы, модальные слова, дискурсивные маркеры и междометия, которые являются элементами категориальных семантических субкомплексов, реализуя аспектуальные, таксисные, итеративные и темпоральные значения, а также значения временной локализованности.

Литература

Бондарко А. В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 15–21.

Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Бондарко А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005.